DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202007Statyi14 УДК 93/94

«… и Церетели, и Ленин, и Чхеидзе»: Петроградский центральный общестуденческий комитет (1918—1921 гг.)

Д. А. Баринов

Аннотация. В годы Гражданской войны в высшей школе Петрограда широко развернулась борьба за автономию. Знаковое место в этих процессах занимал Петроградский центральный общестуденческий комитет. В данной статье мы рассмотрим не только структуру, полномочия и деятельность этого комитета, но и определим его место в развернувшейся политической борьбе.

Ключевые слова: высшая школа, студенческое движение, Санкт-Петербургский университет, С. П. Жаба, Г. Е. Зиновьев.

Abstract. During the Civil War, the struggle for autonomy launched widely in the higher school of Petrograd. An integral part in these processes was the Petrograd Central Student Committee, which played the role of the principal self-government body and managed the main issues of social security and student representation. In this article, we will consider not only the structure, powers and activities of this committee, but also determine its place in the unfolding political struggle.

Key words: higher school, student movement, St. Petersburg University, S. P. Zhaba, G. E. Zinoviev.

Для современной историографии характерен интерес к истории студенчества 1920-х годов. В советской историографии изучение этой темы было ограничено определенным набором повторяющихся тем, связанных с историей комсомола, переустройством системы образования [1] или борьбой советского правительства против «контрреволюционных» или «мелкобуржуазных элементов» [2], под которыми понимались как «старое» студенчество, так и сторонники оппозиции 1920-х годов. В настоящее время среди историков высшей школы наблюдается другая склонность — подробное изучение быта, психологии и взаимоотношений «старого» и «нового», т. е. пролетарского, студенчества [3]. При описании петроградского студенчества наиболее востребованы воспоминания универсанта С. П. Жабы, опубликованные им сразу по-

Баринов Дмитрий Андреевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук. E-mail: barinovdima1990@ yandex.ru.

Barinov Dmitriy A. — PhD (History), researcher at the St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science. E-mail: barinovdima1990@yandex.ru.

сле эмиграции. Именно из них можно узнать о существовании крупного органа самоуправления — Петроградского центрального общестуденческого комитета (или ЦОКа, как коротко его называли современники), объединявшего почти два десятка вузов. И хотя исследователи часто ссылаются на деятельность этого органа, до сих пор никто не попытался подробнее остановиться на его истории, составе и полномочиях, обратившись не только к воспоминаниям, но и к архивным документам. Мы попытаемся восстановить этот пробел, тем самым дополнив представления о положении студенчества в первые годы советской власти.

Думается, будет справедливо начать статью о ЦОКе с рассказа о ранних этапах биографии С.П. Жабы — одного из лидеров не только Комитета, но и всего студенческого сопротивления тех лет, чей жизненный путь до сих пор восстановлен лишь фрагментарно. Сергей Павлович Жаба родился 25 февраля 1894 г. в Минске. Вскоре семья переехала в Москву, где его отец занял должность почетного старшины московского Мариинского приюта. В 1913 г. С.П. Жаба окончил 11-ю Московскую гимназию и получил аттестат зрелости с отличием [4]. В июле 1913 г. он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В сентябре 1915 г. был мобилизован в армию, зачислен в «ратники ополчения второго разряда». Впоследствии подал прошение об отсрочке, которое было удовлетворено [5]. Вместе со студенчеством, очевидно, началось и его участие в политической борьбе: в 1915 г. Жаба вступил в ряды эсеров, имел кличку «Мирный», однако, скорее всего, занимался партийной работой и до этого. В ГА РФ сохранился дневник наружного наблюдения за ним за 1914 год [6].

В 1918 г. Жаба получил свидетельство о том, что прослушал все курсы, но при этом из-за болезни не смог сдать экзамены. В декабре 1918 г. он восстановился в качестве студента 4-го курса уже историко-филологического факультета [7]. Подробности его дальнейшей учебы выяснить не удалось, однако известно, что в студентах он числился, по меньшей мере, до февраля 1920 года. Таким образом, Жаба, проучившийся почти 7 лет, уверенно попадает под условное определение «вечный студент».

10 ноября 1918 г. молодой человек стал участником 1-й Петроградской общестуденческой конференции, проходившей в здании Института инженеров путей сообщения. На ней и был учрежден Центральный общестуденческий комитет, а также принят его устав, согласно которому, ЦОК являлся органом, объединяющим студенчество Петрограда «на почве экономических, академических и культурно-просветительских интересов» [8]. Устройство комитета предполагало четко выстроенную иерархию. Главными органами «на местах», т.е. в отдельных учебных заведениях, являлись выборные Советы старост, над ними стоял Комитет (куда избирались представители старостатов тайным голосованием), а руководящим органом объявлялась городская Конференция. В промежутках между ее заседаниями власть переходила к выборному Исполнительному бюро [9]. В целом, характер устройства Комитета был предельно демократичным — его решения могли быть оспорены, предусматривались отчетность, работа ревизионной комиссии, пропорциональное представительство вузов и т.п.

Среди декларируемых функций ЦОКа были: экономическая взаимопомощь, представительство студенчества «в объединенных академических органах и государственных учреждениях», координирование деятельности старост и др. Комитет не был простым органом студенческой самоорганизации, он являлся юридическим лицом и имел все надлежащие права. ЦОК был подотчетен Комиссариату просвещения союза коммун Северной области, который выделял бюджет для деятельности Комитета и даже платил жалование его членам. Действительные члены старостатов получали 930 руб. в месяц, действительные члены ЦОКа — 1000 рублей. При этом суммы постепенно индексировались [10].

На съезде также приняли несколько резолюций по актуальным проблемам. Было решено участвовать в просвещении народа, работая в начальных, воскресных и вечерних школах, детсадах, клубах и т. д. Важнейшей задачей признавалось «оживление деятельности научных кружков и создание в них той атмосферы научного воодушевления, в которой всегда развивались молодые научные силы» [11]. Более значимой представляется резолюция о материальном обеспечении студенчества, которое ее авторами тесно связывалось с сохранением автономии высшего образования — идея, которая получит наибольшее развитие на съезде 1919 года. В этом же документе утверждалось, что «социальное обеспечение студенчества… гарантирует действительно широкую демократизацию высшей школы» [12]. Резолюция оговаривала принципы распределения материальной помощи, поднимала проблему студенческих заработков и правильной организации «платного производительного труда студенчества» [13].

Надо признать, что идеи и принципы работы, выдвинутые на съезде, не остались простыми декларациями. И Советы старост и Общестуденческий комитет получили реальное финансирование и реальные полномочия для налаживания студенческого быта. На примере Петроградского университета деятельность старостатов была детально рассмотрена в диссертации А. Ф. Кривоноженко [14]. Вот перечень производимых ими работ: создание Общестуденческого кооператива, студенческих артелей; участие в выработке учебного плана, распределении материальной помощи; регулирование отношений между университетом и учащимися и др. Сам ЦОК занимался и более масштабными проектами, например, — устройством центральной студенческой бани [15] или санатория [16], под которые выделялся солидный бюджет.

Не трудно заметить, что такая самостоятельность, вместе с возникшей для студентов возможностью участвовать в работе Советов университетов и институтов, являлась сбывшейся мечтой дореволюционного студенчества, боровшегося за автономию высшей школы. Более того, советская власть не просто предоставляла автономию, но и активно поддерживала ее финансово. Однако сложность заключалась в том, что в условиях мобилизации всех сознательных коммунистов на фронты Гражданской войны, органы самоуправления заполнились преимущественно представителями «старого» студенчества, не разделявшими политику большевиков или согласными с ней частично. Участница первой конференции Е. Б. Чернова так характеризовала присутствовавших делегатов: «… оказалось, что студенчество у нас весьма разноцветное

от кумачевого до чисто белого». У нас нет сведений о протестных выступлениях ЦОКа именно как организации, но совершенно определенно можно говорить о том, что многие его лидеры принадлежали к партиям, в той или иной степени оппозиционным большевикам. Удалось установить партийность следующих активистов: С.П. Жаба — эсер, А.С. Вольпе [17], А.Ф. Абрамович — меньшевики, активные члены Совета старост Петроградского университета П.Ю. Яновский, Е. Айзенштадт, А.Ф. Соколов — кадеты [18]. Среди документов Совета старост удалось обнаружить резолюцию «революционно-социалистической группы». Скорее всего, этим названием прикрывались социалисты-революционеры, т.к. большевики в то время звались исключительно коммунистами [19].

Наиболее ярко это политическое расслоение проявилось в ходе 2-й Петроградской общестуденческой конференции, прошедшей в конце апреля — начале мая 1919 г. в помещении бывших Бестужевских курсов. Хотя напрямую этого не заявлялось, но из частично сохранившейся стенограммы можно понять, что участники съезда были сгруппированы в три течения — правое (меньшевики), центр (эсеры) и левое (большевики) [20]. В ходе выступлений и прений любой вопрос, в сущности, сводился к проблеме сохранения автономии университета, которая тогда стояла наиболее остро из-за введения так называемых троек (партийных представительных органов, в которые входили, помимо членов комитетов партии, по одному представителю студенчества).

После формального доклада Комиссии по социальному обеспечению начались прения. А.С. Вольпе, комментируя проблему обеспечения, требовал свободы в выработке законов уклада студенческой жизни и утверждал, что отнять студенческое самоуправление — значит устроить «погром» высших учебных заведений и всех политических организаций. Его фраза — «Диктатуры в высшей школе мы не признаем» — была встречена аплодисментами. В завершение докладчик отметил, что результатом сложившегося положения будет постоянно бунтующая школа, которая не даст ни специалистов, ни ученых людей, а будет представлять собой только развалившуюся «храмину» [21].

Продолжили сетовать на ограничение автономии и делегаты от Московского общестуденческого комитета — Брусиловский и Мининзон. Интересно мнение последнего. Он заявил, что возможность такого широкого обсуждения насущных проблем возникла только благодаря революции. Революция разрушила старую высшую школу, вернуть ее невозможно, и это должны признать все — от правых до левых. Основную задачу студенчества в революции Мининзон видел в организации масс и создании новой школы с новым духом. Вопрос об автономии высшей школы (т.е. воли революционного народа), отмечал выступающий, должен решать Комиссариат народного просвещения, и надо его «громить», если он отказывается от своих обязанностей. В деле отстаивания автономии студенчество, разное, по сути, должно стать единым [22].

В борьбе с тройками студенты пошли на открытый и осознанный саботаж: они отказывались от материальной помощи (не готовили необходимые документы и заявления) в знак протеста против троек. Об этом говорили и москвич Мининзон, и студент 1-го Петроградского

университета А.В. Мачерет. Последний заявил, что раньше студенты вели соглашательскую политику ввиду тяжелого материального положения, но впоследствии, после сходки, решили поставить себя жестче, не признавая троек и не выдвигая туда своих представителей [23]. Выступление Дмитриевского (заведующего отделом ученых учреждений и высших учебных заведений Комиссариата по просвещению РСФСР) в защиту троек, как исключительно контролирующих органов, было раскритиковано [24]. Важно отметить, что некоторые студенты обвиняли в саботаже именно Компрос за то, что он не делал выплаты без участия в работе троек.

Участники конференции пытались отбить нападки на Совет старост со стороны Комиссариата, обвинявшего его в неэффективности. Универсант М.Д. Волобринский эмоционально заявлял: «Мы должны вытащить платок из кармана и, обтеревшись от того плевка, который в нас попал, спросить не с неба ли это каплет, или же всей студенческой массой сказать: мы еще повоюем, черт возьми» [25]. Надо отметить, что подобные замечания выдвигали и сами старостаты в адрес Общестуденческого комитета. В одном из заявлений отмечалось, что ЦОК руководит старостами слабо, поэтому сложились самые разные схемы выдачи помощи, а требуется унификация и специальные руководящие государственные органы при вузе, но только как временная мера [26]. Позиция конференции не спасла Советы старост от закрытия спустя буквально пару месяцев, а, вероятно, только этому способствовала [27].

Отталкиваясь от характера выступлений, можно в общих чертах охарактеризовать политические настроения членов Комитета и людей, принимавших участие в его работе. Практически каждый выступавший подчеркивал свои социалистические убеждения (не упоминая партийной принадлежности), большинство выражало согласие с трудовой организацией общества, проводимой советской властью. Но, тем не менее, они позволяли себе достаточно резкую и последовательную критику советской политики в области просвещения. Не отметая ее основ, заключающихся в ведущей роли государства, они пытались, одновременно, и сохранить самостоятельность студенческих организаций, и найти пути взаимодействия с властью. Лучше всего эту позиции выражал Мининзон. Он полагал, что высшая школа должна стать лабораторией, «где вырабатываются и создаются одновременно и Церетели, и Ленин, и Чхеидзе» [28].

На проведенных в дальнейшем сходках члены ЦОКа пытались дать отпор представителям Наркомпроса, отстоять свою независимость от троек. Узнав о закрытии старостатов, члены Комитета постановили продолжить его работу, а также договорились с профессурой, что та признает права Совета Старост [29]. В июле 1919 г. была организована специальная сходка с поддержкой студенческой автономии. Помимо борьбы за независимость Общестуденческий комитет и Советы старост старались наладить связи со студентами рабфаков, организовывали памятные вечера в честь декабристов, Л.Н. Толстого, Н.К. Михайловского. На них выступали профессора и общественные деятели с рассказами о «старых заветах русской интеллигенции» [30]. Эта традиция стала прямым продолжением дореволюционных вечеров и чаепитий [31].

В марте 1920 г. была организована новая сходка, принявшая резолюцию с призывом прекратить эксперименты над высшей школой, и возложившая всю ответственность за кризис на Наркомпросс. Эта резолюция был отправлена в Москву. На той же сходке было принято решение о созыве новой конференции.

Следующая Общестуденческая конференция прошла 12—13 июня 1920 г. также в зале бывших Бестужевских курсов. Среди именитых гостей на ней присутствовали Г.Е. Зиновьев и представители итальянской компартии (в т.ч. известный революционер Никола Бомбаччи) [32]. С.П. Жаба так характеризовал расстановку сил: «старое организованное студенчество» — 80 чел., коммунисты — 20, «болото» — 55. Однако учитывая результаты голосования по итоговой резолюции, вряд ли подобная оценка справедлива.

Несмотря на то, что одно из заседаний началось, в т.ч. с подачи С.П. Жабы, с приветственных слов в адрес Красной Армии, отвоевавшей накануне Киев (некоторые делегаты от приветствия воздержались), проходившие дискуссии не выявили единодушия. Основные споры шли вокруг определения форм взаимодействия с советской властью. Большевики, разумеется, предлагали безоговорочное сотрудничество, в то время как их оппоненты отмечали, что конференция не может ставить политические вопросы и отказывались от полного подчинения властям («протягивают два пальца, боясь протянуть руку») [33]. С первым докладом выступил Г.Е. Зиновьев, обозначивший раскол в высшей школе по вопросу поддержки советской власти. Глава Петрограда также недвусмысленно намекнул на значительную враждебность со стороны большой части студенчества: «Студенчество в настоящее время не организовано по своей вине, т.к. оно хотело помогать тому классу, который умирает» [34]; «большинство студентов… готово работать с советской властью, но мешают этому люди, желающие протащить контрабандой линию эсеров» [35]. Несмотря на предложения президиума, Зиновьев настоял на прениях по своему докладу, чтобы «столковаться с тем, с кем это можно сделать».

Кульминацией конференции стало заключительное выступление Зиновьева, который постарался подвести черту под прошедшими прениями. Он обвинял в непоследовательности студентов, отказывавшихся принимать политические решения, но произносивших политические речи. Однако в целом его речь одобряла энтузиазм и искренность многих выступавших. Он сказал, что студенчество, которое не поддерживает большевиков, но готово сотрудничать и развивать науку, будет приветствоваться «задушевным образом» [36].

Значительная часть его речи была реакцией на выступление С.П. Жабы. Отвечая на претензии и намеки, что, испытывая давление, он не может сказать все, что хочет, Зиновьев привел в пример большевиков, которые до революции постоянно выступали под угрозой ареста. А вот «честные противники, если считают для себя борьбу неудобной, не выходят, а если выступают, говорят до конца». Зиновьев также предположил, что Жаба — кадет, но тот «с негодованием отверг знакомство с этими буквами и сказал, что относится к к.-д., как я к октябристам. Я должен сказать, что знающий историю революции за эти три года —

знает, что буквы к.-д. от с.-р., ей-ей, не далеко в политическом алфавите расположены» [37]. С.П. Жаба удивлялся, почему большевики работают с генералом А.А. Брусиловым, но не принимают руку помощи от эсеров. На это Зиновьев парировал, что Брусилов и многие другие союзники большевиков не называют себя социалистами, то есть никого не вводят в заблуждение в отличие от эсеров. Дальнейшее выступление было направлено на разоблачение партии социалистов-революционеров, их союза с белыми и интервентами. Вернувшись к проблемам высшей школы, Зиновьев отметил, что сближению студенчества с советским правительством мешает не «нетерпимость», а «люди вроде с.-р. Жабы» [38]. Закончилась его яркая полемическая речь так: «Товарищи, призываю вас, бросьте все сомнения и без задней мысли подайте руку рабочему классу, и будем вместе работать на счастье нашей великой страны» [39].

По завершении заседания была провозглашена следующая резолюция: «Петроградская общестуденческая конференция, заслушав и обсудив доклад тов. Зиновьева по текущему моменту о задачах студенчества, приветствует в своей среде после долгого перерыва, взаимного охлаждения и размолвки представителя государственной власти… Конференция констатирует, что советской властью поставлена перед страной колоссальная задача переустройства общества». Текст резолюции также повторял выдвинутые Зиновьевым обвинения в адрес интеллигентов — сторонников белогвардейцев [40]. Эти положения были поддержаны 103 голосами против 26, при трех воздержавшихся [41] (С.П. Жаба вспоминал о 86 голосах из 155). После завершения конференции состоялось шествие и митинг на площади Урицкого.

Разумеется, оценки произошедшего разнились в зависимости от политических взглядов. Советская пресса писала о восторженном приеме резолюции. С.П. Жаба указывал на «взрыв негодования» и последовавшие обвинения делегатов в предательстве [42]. Так или иначе, конференция засвидетельствовала победу левого крыла в ЦОКе [43], хотя и не окончательную т.к. на следующих выборах оппозиции удалось провести в Петросовет значительную часть своих представителей (наилучших результатов достигли Медицинский институт и Военно-медицинская академия). С одной стороны, можно сказать, что поражение ЦОКа оказалось предрешенным, но было бы неправильно списывать его исключительно на политическую конъюнктуру. Методы завоевания симпатий и борьбы за студенчество тщательно разрабатывались партийным комитетом университета, который признавал, что студенчество не является единым, и, помимо сторонников советской власти, в нем явно был лагерь противников, объединившихся вокруг требований автономии университета. Предложенная тактика заключалась в наращивании присутствия коммунистов в различных органах самоуправления [44].

Конференция 1920 г. стала последней для Петроградского центрального общестуденческого комитета. В августе несколько его лидеров были отчислены. Точное время закрытия самой организации неизвестно. Вероятно, стоит согласиться с мнением П. Конечного, который относит его к 1921 г., когда начались аресты, спровоцированные делом Таганцева [45]. Тогда же вышло «Положения об управлении выс-

шими учебными заведениями республики», фактически отменившее былую самостоятельность университета [46]. Однако вплоть до чисток 1922 г. студенчество небольшевистских взглядов еще было способно на организацию массовых протестов: в ноябре 1921 г. прошла уличная демонстрация [47], в декабре устраивались собрания студентов-эсеров [48], в феврале 1922 г. состоялась сходка, избравшая временный Студенческий совет.

В 1921 г. аресту подвергся С. П. Жаба, однако через несколько месяцев он был амнистирован. После этого он, скорее всего, отошел от активной деятельности, в том числе и по причине плохого состояния здоровья (болел туберкулезом). В ноябре 1921 г. он подал на оптацию литовского гражданства как литовец по происхождению (была представлена выписка, что его отец — выходец из дворян Ковенской губернии) [49]. В январе 1922 г. был признан подлежащим отправке на родину на основании мирного договора между РСФСР и Литвой. В апреле 1922 г. покинул страну, переехав в Литву, а затем во Францию. За границей вступил в Объединение русских эмигрантских организаций, выступал в качестве литературного критика, печатался в «Современных записках», «Вестнике Русского студенческого христианского движения», «Новом граде», «Русской мысли» (где он регулярно публиковал статьи к годовщине Петербургского университета) [50], участвовал в собраниях Союза эмигрантских писателей [51]. В дальнейшем он отошел от социалистических взглядов, стал близким другом поэтессы и публициста — монахини Марии (Скобцовой), был членом созданного ею общества «Православное дело». В 1954 г. подготовил фундаментальный труд: «Русские мыслители о России и человечестве» [52]. Умер во Франции в 1982 году.

Таким образом, Петроградский общестуденческий центральный комитет прожил недолгую, но крайне насыщенную жизнь, сумев на протяжении нескольких лет отстаивать свою позицию относительно автономии высшей школы. Исследование его деятельности позволяет расширить представление об известном противостоянии разных поколений студенчества. В литературе под «старым» студентом понимается, прежде всего, приверженец консервативных или либеральных убеждений, который живет ностальгией по дореволюционным порядкам. ЦОК своей деятельностью и взглядами своих членов показывает, что, по меньшей мере, на первых этапах наиболее активное студенчество стояло на социалистических, антибуржуазных и антимонархических позициях, признавало Октябрьскую революцию и вовсе не было настроено контрреволюционно. Однако лидеры Комитета не разделяли излишний, по их мнению, радикализм большевиков и их чрезмерный этатизм. В целом, будучи готовыми к сотрудничеству, они все же старались сохранить независимость взглядов и действий. Но давление советского правительства, зачисление в целом лояльных или аполитичных учащихся на рабфаки, возвращение молодых людей с фронта и их поступление в вузы, а также чистки в значительной степени размыли «старое» студенчество и не оставили возможности для новой конфронтации.

Стоит сказать, что действия советского правительства по отношению к ЦОКу являлись продолжением логики Гражданской войны, т. к.

в Комитете и подконтрольных ему старостатах заседали представители враждебных большевикам сил — эсеров, меньшевиков, кадетов, которые в той или иной мере содействовали недавно разгромленному белому движению. Тот факт, что они воспользовались благосклонным расположением новой власти к студенчеству, во многом способствовал пересмотру большевиками своей политики в отношении высшей школы. При этом будет неправильно говорить исключительно о репрессивных мерах большевиков. Материалы заседаний партийного комитета показывают, что главным стремлением университетских коммунистов было не задавить оппозицию, а привлечь ее на свою сторону путем пропаганды, убеждения и активного участия в самоуправлении [53].

Заметим, что ликвидация ЦОКа не привела к окончательному поражению небольшевистских партий: в конце 1922 г., по данным отчетов райкомов Ленинграда, около 17% студентов придерживались эсеровских или меньшевистских взглядов [54]. Однако в дальнейшем они не смогли наладить организованное сопротивление, в том числе, и из-за разгрома меньшевистского Российского социал-демократического союза молодежи и судебного процесса над эсерами. Новый этап студенческой борьбы оказался уже исключительно внутрибольшевистским и был связан с партийным дискуссиями 1920-х годов.

Примечания

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Студенческие организации Петроградского / Ленинградского университета в 1910—1920-х гг.» (№ 19—39—60005)

1. См., напр.: КУПАЙГОРОДСКАЯ А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917—1925 гг.). Л. 1984; ЧАНБАРИСОВ Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М. 1988.
2. См., напр.: САФРАЗЬЯН Н.Л. Борьба КПСС за строительство высшей школы (1921—1927 гг.). М. 1977; ЛЕЙКИН А. Против ложных друзей молодежи. 1917—1924. М. 1980.
3. См., напр.: KONECNY P. Builder and Deserters: Students, State and Community in Leningrad. Montreal. 1999; ПЛАТОВА Е.Э. Жизнь студенчества в переходную эпоху. СПб. 2001; РОЖКОВ А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х гг. Т. 1—2. Краснодар. 2002; МАРКОВ А.Р. Что значит быть студентом. М. 2005.
4. Свидетельство. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. Р-7240, оп. 2, д. 1261, л. 4.
5. Московское городское воинской повинности присутствие — в канцелярию Императорского Петроградского университета. 21 сентября 1915 г. ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 2, д. 1261, л. 21.
6. Жаба Сергей Павлович, кличка «Мирный». 1914. Дневники наружного наблюдения. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 111, оп. 1, д. 1262.
7. [Господину ректору 1-го Петроградского университета. 10 декабря 1918 г.] ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 2, д. 1261, л. 1.
8. Устав Петроградского центрального общестуденческого комитета, принятый 1-й Петроградской конференцией представителей студенчества. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. ф. 2555, оп. 1, д. 91, л. 41.
9. Там же, л. 41об.
10. ЦГА, ф. 2555, оп.1, д. 91, л. 3, 79.
11. Декларация 1-й Петроградской представит. студ. по вопросу о культурно-просв. Деятельности. Центральный государственный архив историко-политических документов. ф.1060, оп. 1, д. 293, л. 6—6об.

12. Резолюция 1-го Петроградского съезда представителей студенчества по вопросу о социальном обеспечении. ЦГАИПД, ф. 1060, оп. 1, д. 293, л. 9.
13. Там же, л. 9об.
14. КРИВОНОЖЕНКО А.Ф. Петроградский университет в 1917—1922 гг.: дисс. канд. ист. наук. СПб. 2014.
15. ЦГА, ф. 2555, оп. 1, д. 91, л. 28.
16. Там же, л. 56.
17. Вольпе Абрам Самуилович. Наш Баку. История Баку и бакинцев. URL: https://www.ourbaku.com/index.php/ Вольпе_Абрам_Самойлович
18. СОЛДАТЕНКОВ С.В. Рабочий факультет — университет — наука. В кн.: На штурм науки: воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета. Л. 1971, с. 46—47.
19. Резолюция, предложенная революционно-социалистической группой собрания. ЦГА, ф. 2555, оп. 1, д. 91.
20. Эта стенограмма позволяет выявить многие неточности в воспоминаниях С.П. Жабы.
21. Заседание Общестуденческой городской конференции. 4 мая 1919 г. ЦГАИПД, ф. 1060, оп. 1, д. 293, л. 20—25.
22. Там же, л. 46—48.
23. Там же, л. 68.
24. Там же, л. 82.
25. Там же, л. 79.
26. Резолюция, предложенная революционно-социалистической группой собрания. ЦГА, ф. 2555, оп. 1, д. 91, л. 84.
27. О роспуске студенческих старостатов всех вузов. — Собрание узаконений. 1919, № 35, с. 404—405.
28. Заседание Общестуденческой городской конференции. 4 мая 1919 г. ЦГАИПД, ф. 1060, оп. 1, д. 293, л. 88.
29. ЖАБА С.П. Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу. Париж. [1924], с. 21—22.
30. Там же, с. 24—25.
31. См. подробнее: РОСТОВЦЕВ Е.А. Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX—XX вв. — Клио. 2011, № 4, с. 89—99.
32. Общестуденческая конференция. — Петроградская правда. 1920. 15 июня, с. 2.
33. ЯР-ВИЧ. На студенческой конференции. — Красная газета. 1920. 15 июня, с. 3.
34. Общестуденческая конференция. — Петроградская правда. 1920. 15 июня, с. 2
35. ЯР-ВИЧ. Ук. соч., с. 3.
36. Заключительная речь т. Г. Зиновьева на Студенческой общегородской конференции в Петрограде. В кн.: ЗИНОВЬЕВ Г.Е. Студенчество и пролетарская революция. Пг. 1921, с. 30.
37. Там же, с. 30—31
38. Там же.
39. Там же, с. 40.
40. Культурная жизнь в СССР. 1917—1927. Л. 1975, с. 199.
41. ЯР-ВИЧ. Ук. соч., с. 3.
42. ЖАБА С.П. Ук. соч., с. 34.
43. Как переломный момент эту конференцию вспоминали и 6 лет спустя: М. БР. Октябрь в институте. — Ленинградский технолог. 1926. 6 ноября.
44. Протокол № 7 общего собрания коммунистов 1-го Петроградского университета совместно с сочувствующими беспартийными, состоявшегося 18 ноября 1920 г. ЦГАИПД, ф. 984, оп. 1, д. 21б, л. 16, 19.
45. KONECNY P. Op. cit., p. 52.
46. МУХИН Н.А. Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу в 1918—1922 годах. — Вопросы истории. 2000, № 11, с. 139.
47. ЖАБА С.П. Ук. соч., с. 46.
48. В Петрограде. — Революционная Россия. 1921, № 14/15, с. 45.
49. Выписка от Минской духовной консистории. Копия. ЦГА СПб, ф. Р-1001, оп. 81, д. 323, л. 4.

50. ЗЛОБИН В. Тяжелая душа: Литературный дневник. Воспоминания Статьи. Стихотворения. М. 2004, с. 129.
51. ЖАБА С. Петербургскому университету 148 лет. — Русская мысль. 1967. 18 февраля, № 2584, с. 7; ЕГО ЖЕ. Universitas Litterarum. — Русская мысль. 1969. 6 марта, № 2728. Приложение II, с. 7.
52. ЕГО ЖЕ. Русские мыслители о России и человечестве. Париж. 1954.
53. См. также: САФРАЗЬЯН Н.Л. Борьба КПСС за строительство высшей школы (1921—1927 гг.). М. 1977, с. 96.
54. КРОВОНОЖЕНКО А.Ф. Ук. соч., с. 229—230.